

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ТЕРРОР

Когда, лет тридцать назад, я читал в “Соборях” Н. С. Лескова о мучениях, которым подвергли протоиерея Савелия Туберозова, щемило сердце. Вот уже умерла, надорвавшись на непосильной работе, смиренная протопица Наталья Николаевна, уже давно посадили в острог негодяя Термосесова, а оболганный им протопоп всё пребывал в запрещении...

Ещё страшнее этой несправедливой расправы над праведником было то, что правящий архиерей прекрасно знал о невинности Туберозова и, как говорил дьякон Ахилла, предал его “сему терзанию только для одной политики, чтобы не противоречить за чиновников светской власти”...

И, отрываясь от пропитанной глухой жестокостью русской жизни книги Н. С. Лескова, думалось — это было в конце семидесятых годов позапрошлого века! — что навсегда ушла из русской жизни старгородская поповка, и невозможно ничем заполнить зияющую пустоту, и одно только утешительно, что и ужас, описанный в “Соборях”, тоже ушёл в невозвратное прошлое...

И, конечно, тогда и в голову не могло придти, что минует три десятилетия, и мне самому предстоит стать участником схожих событий...

1

...Его преосвященство призывал меня к себе и, одобряя моё слово вообще, в частности же указал, дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчет чиновников, ибо от них-де чем дальше, тем и освященнее.

Н. С. Лесков. “Соборяне”

Я познакомился с отцом Евстафием (Жаковым) в 1996 году в Старой Ладоге, где он восстанавливал храм Иоанна Предтечи на знаменитой Малышевой горе над Волховом.

На моих глазах храм возрождался из мерзости запустения. Но всё равно, когда смотришь на давние фотографии, трудно поверить, что храм поднялся из тех руин.

В Старой Ладоге приходилось заниматься не только ремонтом.

Однажды летним вечером, когда уже закончилась по-монастырски неспешная служба, и отец Евстафий собирался идти закрывать двери, в храм вбежала пьяная, сильно избитая тринадцатилетняя девочка...

— Господи! — закричала она, рухнув на каменный пол. — Божья Матерь! Помогите мне!

Потом выяснилось, что девочка с трудом вырвалась из сараев на берегу Волхова, куда ее затащили взрослые рыбаки и пытались изнасиловать.

С того самого вечера, занимаясь строительством и ремонтом, совершая богослужения и разыскивая благотворителей, отец Евстафий начал создавать свой “детский приход”.

Он вытаскивал из подвалов заброшенных родителями староладожских детей, принимал к себе “на работу”, приучал к церкви...

— Не важно, как человек приходит в церковь. Пусть дети приходят, чтобы заработать здесь что-то... — говорил он. — Ребенок всё равно изменится в церкви. И обязательно — к лучшему.

Далеко не всем прихожанам нравилось это.

— Чего ходить-то сюда деньги зарабатывать, — возмущалась одна из работающих в церкви женщин, когда я поинтересовался её отношением к “детскому приходу”. — Не, не дело это у батюшки затеяно... Мыслимо ли, робят собирать... Милиция на это есть...

Отец Евстафий не слушал этих “мудрых” советов. И если чудо — возрождение храма в нищем приходе, то создание детского прихода храма Рождества Иоанна Предтечи — двойное чудо.

Очень скоро детей здесь стало больше, чем взрослых. И не только на службе. Когда завершалась литургия, дети не уходили домой, а собирались в трапезной. Усаживались за длинные столы.

Помню, мы предложили им написать сочинение, рассказать о том, что связывает каждого с этой церковью.

Набралась целая кипа исписанных детскими каракулями листочков...

“Я пришла в 1994 году в Староладожский храм Иоанна Предтечи. Отец Евстафий иногда, когда у нас чего-нибудь нет, например, понравилось платье — купит. Порвались сапоги — думает над этим вопросом. Нету куртки или шапки — все думает. От такой доброты и заботы тянет в храм, как магнитная волна. Но на самом деле нас всех тянет ближе к Богу”...

“Меня зовут Аня. Мне 12 лет. Я выполняю послушание в храме Иоанна Предтечи. Я уже достигла чина младшей псаломщицы. Только в этом храме я поняла, что такое настоящая церковная семья. Наши братья: Артемий и Виталий и одиннадцать сестер. Наш регент — Тамара Владиславовна стала мамой. Вот и все. Я бы хотела, чтобы прибавилось братьев и сестер. И чтобы сделали высокий клирос”.

“Меня зовут Ксения, мне 13 лет. Когда я пришла в храм Иоанна Предтечи, я не знала, как молиться, и даже креститься не умела. Я узнала отца Евстафия. Мне нравится ходить в храм на службу. Я завела здесь хороших друзей. А вообще лучше храма и веры в Бога нету ничего лучше”.

“Однажды приехала одна девочка в храм с мамой. Она обижала маленьких, спорила с мамой, была жадной и некрасива в душе. Она с мамой жила бедно. Маме пришлось искать новое место жительства. Она совершенно случайно встретила отца Евстафия. Он пожалел бедную женщину и накормил ее. Батюшка обещал маме с девочкой все, что нужно для жизни, — дом, свет, тепло. Маминому счастью не было невзгод. Со временем она научилась шить и вышивать. Все болезни исцелились. Ну, а девочка 13 лет стала рисовать, петь и танцевать. Но время от времени эти таланты пропадали. Наверное, это от ее множества грехов. Она этого не понимала и была от этого несчастна.

Это девочка — я, Галина, 13 лет. Учусь в школе и служу в храме Иоанна Предтечи. У нас сейчас очень добрый и справедливый батюшка лет 55. В худых ботинках ходит по улицам, помогая всем немощным, страдающим и труждающимся”...

“В Старой Ладогe мне очень нравится церковь и батюшка... Я там очень привыкла, и теперь я не могу Старую Ладогу бросить. На Крещение я прочла третий час и шестопсалмие. Люда, 12 лет”.

Старую Ладогу, когда храм был окончательно восстановлен, отцу Евстафию пришлось покинуть.

Услышав, что он покидает их, все дети в храме заплакали...

Самому иеромонаху Евстафию, прибывшему к новому месту службы, было не до слез — храм равноапостольной княгини Ольги в усадьбе Михайловка под Стрельной являл собою тонущие в горах мусора развалины.

После войны здесь размещалась птицефабрика, потом делались попытки перестроить церковь под спортивную базу... Переустройства и перестройки

кончились тем, что своды алтаря обрушились, кровля галереи оказалась содранной, каменный пол обвалился...

Поднять без помощи государства этот ГИОПовский памятник архитектуры было нереально. Не приходилось рассчитывать и на материальную помощь епархии...

Тем не менее, отец Евстафий поставил посреди руин крест, как он делал это и раньше в трёх восстановленных им церквях, и в храме равноапостольной княгини Ольги начались церковные службы. Помню, мела поземка по полу храма, у стен, поблескивающих разводами льда, надувало сугробы снега, и особенно проникновенно посреди руин звучали слова проповеди:

“Пилат спросил у Христа: “Что есть истина?”, и Спаситель не ответил ему, потому что Он сам и был ответом на этот вопрос. Господь сам – Истина, сам Путь, явленный нам во всей полноте”...

И слушая глуховатый голос иеромонаха Евстафия, словно и рождающийся из церковных руин, вспоминались слова Спасителя: “Где трое соберутся во имя Мое, там и буду я”.

И случилось чудо. Поднялся из руин храм, носящий имя княгини, которая первой из руководителей нашей страны прозрела свет Истины и приняла святое крещение.

И смотришь сейчас на восстановленный храм и думаешь, что же тогда восстановление храма, если не постижение истины? По этому пути уходила Россия сама от себя, по этому пути она возвращается к себе...

2

Губернатор, яко немец, соблюдая амбицию своего Лютера, русского по па к себе не допустил, отрядил меня для собеседования о сем к правителю. Сей же правитель, поляк, не по-вла-дычному дело сие рассмотреть изволил, а напустился на меня с криком и рыканием...

Н. С. Лесков. “Соборяне”

Завершение восстановления храма равноапостольной Ольги в Михайловке совпало с превращением Санкт-Петербургского шоссе в петербургский аналог Рублёвки. Константиновский дворец, превращенный в президентскую резиденцию, элитные загородные дома, великолепный гольф-клуб – чего только не появилось здесь. Ну, а дворцово-парковый ансамбль “Михайловская дача” передали под Высшую школу менеджмента (ВШМ) Санкт-Петербургского государственного университета.

Как сообщили газеты: “С учетом поставленной перед Высшей школой менеджмента СПбГУ стратегической цели выхода на лидирующие позиции в мировой системе бизнес-образования, загородный кампус ВШМ должен быть одним из лучших в мире; в нем будут использованы все возможности современного технического оснащения”.

Чтобы “обеспечить интернациональную среду подготовки менеджеров для успешной конкуренции в современной глобальной экономике”, решили, что не менее 30% студентов и преподавателей ВШМ будут составлять иностранные граждане.

Само по себе создание Высшей школой менеджмента, сколь бы амбициозным ни выглядел замысел, никаких опасений у прихожан храма равноапостольной Ольги не вызвало. Еще в 2000 году Комитет по управлению городским имуществом передал восстанавливаемую церковь Святой княгини Ольги по договору безвозмездного пользования № 16-БО1175 Санкт-Петербургской епархии.

Более того...

Как раз в это время началось устройство в подвальном помещении храма во имя святого мученика Юрия Новицкого, работавшего до 1922 года профессором уголовного права в Петроградском университете...

“Я родился и вырос в семье профессора, доктора медицинских наук Михаила Павловича Жакова, – рассказывая о замысле этого храма, говорил игу-

мен Евстафий. — Профессора Ивановского медицинского института часто бывали у нас в гостях, и я вместе с родителями бывал в их домах, но я не припомню ни единого случая, чтобы кто-нибудь говорил о Боге, разве что с сарказмом... С детства осталось у меня общее впечатление о профессорском корпусе — как далеки они от православия, от Церкви, от веры в Бога и скорее враждебны всему этому.

И вот я узнал, что **профессор** кафедры уголовного права Петроградского университета, работавший на юридическом факультете того же университета (где позже учились В. В. Путин и Д. А. Медведев), Юрий Петрович Новицкий, был расстрелян вместе с митрополитом Вениамином (Казанским) и иже с ними — причислен к лику святых!

Я был потрясен этим фактом, столь нетипичным и даже противным интеллигенции России, которая только и знала, что раскачивала устои великого государства и с любопытством наблюдала, что же из этого выйдет. Пытаясь оплевывать Церковь, Религию и Господа, эти господа интеллигенты, разращенные сами антиправославием, цинично развращали студентов, сея семена зла.

И сразу же возникло чувство несказанного величия святого мученика Юрия, которого не связал интеллигентский футляр, который разорвал узы высокоинтеллектуального зазнайства — и оказался в числе четырех святых новомучеников. И всеми нами — клириками и членами приходского Совета храма святой Ольги овладела настоятельная мысль — основать храм во имя святого мученика Юрия Новицкого и служить в нём во утверждение новой интеллигенции, которой имя Божие душевно близко. Это чувство укрепилось после того, как храм святой Ольги стал частью Петербургского университета, находясь на землях Михайловской дачи, переданной Петербургскому университету для размещения там Высшей школы менеджмента. Мы были воодушевлены этим, видя особый знак Божественный, — храм св. Ольги возвращает университету своего профессора в имени его храма, в Божественных службах во имя его, профессора университета, но уже **святого** профессора”.

Увы... Воодушевление это быстро рассеялось.

Когда депутация прихожан пришла на приём к руководству Петербургского университета, их встретил очень интеллигентный человек, безупречно вежливый, с холодным и безразличным взглядом.

“Мы успокоили его, — рассказывает игумен Евстафий, — говоря, что денег мы не просим, но хотим, чтобы корпорация профессоров и преподавателей просто возрадовалась, что их коллега теперь вернулся к ним — **храмом** во имя святого мученика Юрия. Высокая эрудиция нашего собеседника помешала ему понять все значение этого события. Напротив, заботясь о “бабушках”, наш собеседник говорил нам, что вопросы строительства и создания школы менеджмента настолько сложны, что храм просто будет мешать строителям, и всё труднее и труднее будет устраивать дорогу к храму”.

Скоро “заботы” руководства университета о верующих старушках приняли и конкретное документальное выражение. На имя Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира поступило письмо за подписью ректора университета Л. А. Вербицкой:

“От 12.12.07. № р-61

Глубокоуважаемый Владыка!

В рамках реализации Приоритетного национального проекта “Образование”, инициированного Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2006 года № 576-р на базе факультета менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета создана Высшая школа менеджмента. Принято решение о размещении Высшей школы менеджмента на территории и в зданиях дворцово-паркового ансамбля “Михайловская дача”... В июле 2006 года весь комплекс зданий и сооружений был передан Санкт-Петербургскому государственному университету. Целью проекта является создание российской школы бизнеса мирового уровня **для подготовки национальной элиты управленческих кадров** (выделено нами. — Н. К.), способной решать задачи повышения конкурентоспособности страны в экономике знаний XXI века...

В целях обеспечения сохранности переданного нам комплекса, являющегося памятником истории и культуры федерального значения, на территории дворцово-паркового ансамбля установлено защитно-охранное ограждение. Осенью нынешнего года планируется начало широкомасштабных строительно-монтажных работ, что значительно затруднит проход прихожан к Церкви Святой княгини Ольги во время служб и церковных праздников церкви. В целях обеспечения безопасности, в соответствии с требованиями к организации строительной площадки, необходимо введение режима ограниченного доступа на территорию «Михайловской дачи». Учитывая создавшуюся ситуацию, прошу Вас изыскать возможность для рассмотрения вопроса о временном (до завершения строительства и реконструкции дворцово-паркового ансамбля «Михайловская дача») переносе прихода в другое место».

Описывать все перипетии развернувшейся борьбы за храм в Михайловке нет нужды.

Хотя первый натиск прихожанам и удалось выдержать, зачистка пространства «для подготовки национальной элиты управленческих кадров» была продолжена в либеральных средствах массовой информации, развернувших настоящую кампанию травли игумена Евстафия (Жакова).

Поводом послужило интервью игумена, данное газете «Завтра», и икона блаженной Матроны Московской, которую заказали для храма равноапостольной Ольги благочестивые прихожане...

3

*...От слова уже и до дела доходят.
Ни панихиде за воинов, на брани убиенных,
подняли (поляки) с городничихой
столь непристойный хохот, что отец
протоиерей послал причетника попросить
их о спокойном стоянии или о выходе,
после чего они, улыбаясь, из храма
вышли. Но когда мы с причтом, окончив
служение, проходили мимо бакалейной
лавки братьев Лялиных, то один из
поляков вышел со стаканом вина на
крыльцо и, подражая дьякону, возгласил
«Много ли это!» Я понял, что это
посмеяние над многолетием, и так и
описал, и сего не срамлюсь, и за доносчика
себя не почитаю, ибо я русский и деликатность
с таковыми людьми должен считать за неуместное.*

Н. С. Лесков. «Соборяне»

Хотя суждения игумена Евстафия (Жакова) о положительной роли И. В. Сталина в истории нашей страны и раздражают либерально настроенных «прогрессистов-реформаторов», но сами по себе они не содержат ничего противоречащего православной морали и нравственности. Более того, надо признать, что трезвое осмысление личности И. В. Сталина, объективная оценка свершений его чрезвычайно актуальны сейчас.

Разумеется, нельзя при этом забывать о просчетах И. В. Сталина: об антинародной коллективизации, о жестоких репрессиях тридцатых годов, об ошибках, совершенных в ходе Великой Отечественной войны...

Но когда мы говорим об уродливо проведенной коллективизации, о миллионах раскулаченных, не будем забывать, что И. В. Сталин был, может быть, единственным советским руководителем, который сумел – вспомните его статью «Головокружение от успехов»! – всё-таки остановить расправу над русскими крестьянами. Уместно упомянуть тут, что из восьми руководителей, возглавивших коллективизацию непосредственно на местах, семеро (Станислав Косиор, Шая Голощекин, Роберт Эйхе, Борис Шоболдаев, Мендл Хатаевич, Юозас Варейкис, Карл Бауман) вскоре были расстреляны.

Либеральные историки склонны видеть и в статье И. В. Сталина «Головокружение от успехов», и в расстреле главных заправил коллективизации лишь

проявление сталинского лицемерия, его особого коварства... Это, разумеется, не так, но, скажите, можно ли, например, представить себе, что Б. Н. Ельцин написал бы "Головокружение от рынка"? Можно ли представить, что чиновники-приватизаторы хотя бы отчитаются за свою деятельность, которая, по сути, отдала на разграбление национальные богатства России и разорила население богатейшей по своему потенциалу страны?

Это же касается и непосредственных репрессий, в которых обвиняют И. В. Сталина. Да, жертвы, понесенные русским народом в ходе чисток 30-х годов, тяжелы. И хотя многие жертвы лежат на совести связанных с Троцким и Зиновьевым чекистов, и хотя Сталин и сумел привлечь к ответственности этих выродков, всё равно это не снимает с него вины, как с непосредственного руководителя нашей страны.

Но, упрекая Сталина за 37-й год, не будем забывать и того, что если бы в ходе этих чисток Сталину не удалось уничтожить всех этих Троцких, Зиновьевых, Бухариных, Каменевых и иже с ними, то не было бы сейчас ни России, ни Православия, и вся наша страна с ее народами и ее природными богатствами была бы израсходована в интересах международного капиталистического Интернационала.

Эти нехитрые исторические истины с той или иной глубиной осознают сейчас миллионы наших сограждан. Более того, постепенно происходит народное осознание и другой, гораздо более важной истины. Постепенно начинаем мы понимать, что наши либералы так пламенно ненавидят Сталина не за то, что при нем было уничтожено много русских людей.

Нет!

Они ненавидят Сталина за то, что он уничтожил систему уничтожения русского народа, которая была создана Троцким со товарищи.

И, конечно, никаких оснований для критики в отступлении от церковных канонов не давала икона блаженной Матроны Московской, появившаяся в храме равноапостольной княгини Ольги.

Сталин на этой иконе лишен знаков, положенных святым, не включен в строго-каноническое пространство, окружающее святую Матрону. Насколько художественно-органично изображение Сталина – вопрос, которого мы касаться не будем, но по мысли тут всё правильно.

Как справедливо отмечалось в открытом письме прихожан храма равноапостольной Ольги в Михайловке, никто и не воспринимал икону святой Матроны Московской как икону Сталина.

"Эта икона – свидетельство о силе молитвы святой Матроны за Русь, молитвы, которая преобразила гонителя Православия и врага России в подлинного вождя народа, немало способствовавшего возрождению Православия на Руси и приведшего нашу страну к победе в Великой Отечественной войне".

Достаточно нелепо выглядят и возражения наших "младостарцев", успевших отметить во время кампании травли, развёрнутой против игумена Евстафия, дескать, нет документальных свидетельств о посещении Иосифом Виссарионовичем блаженной Матроны.

На это можно было бы возразить, что и документов, свидетельствующих, что такой встречи не было, тоже нет, но это пустые слова. Народная легенда, народное предание выше и мудрее всякой документации.

4

Замечаю что-то весьма удивительное и непонятное: поляки (ссыл-ные) у нас словно господами нашими делаются, всё через них в губернии можно достигнуть, ибо Чемерницкий оному моему правителю оказывается приятель.

Н. С. Лесков. "Соборяне"

Появлению иконы блаженной Матроны наши телеканалы и желто-демократические газеты уделили места гораздо больше, чем другим, несравнимо более важным церковным событиям.

Как по команде, материалы, шельмующие игумена Евстафия, появились в “Новых Известиях” и “Коммерсанте”, в “Московском комсомольце” и “Комсомольской правде”, в программах НТВ и “Эхо Москвы”, “Би-би-си” и финансируемой конгрессом США радиостанции “Свобода”...

Поражало несоответствие мощного и беспощадного, как “Буря в пустыне”, пропагандистского оружия и сравнительной малозначимости произошедшего события. Еще более поражали низкопробность и непрофессионализм публикаций.

Появление иконы журналисты пытались представить, как попытку канонизировать И. В. Сталина. И поскольку на иконе блаженной Матроны над головой Сталина невозможно было обнаружить ничего даже отдаленно напоминающего нимб, положенный святым, тут же приводилось изображение второпях изготовленных “образков” Сталина, которые неведомо где распространялись. Тут же сообщалось, что организация “Коммунисты Петербурга и Ленобласти” намерена обратиться к Церкви с просьбой запустить процедуру канонизации Сталина.

О том, что созданная в День советской космонавтики партия “Коммунисты Петербурга и Ленобласти” насчитывает, как сообщает партийный сайт, “более 500 человек” и принадлежит скорее к виртуальным организациям, нежели к реальным политическим силам, журналисты, разумеется, не упоминали.

Более того... Они не просто, подобно ловким шулерам, передергивали факты, но и не стеснялись откровенной лжи, выдавая свои подлинные цели и мечтания за совершившийся факт.

Газета “Комсомольская правда” не постеснялась, к примеру, сообщить читателям, что игумен Евстафий попал с сердечным приступом в реанимацию и находится в коме. Самое мерзкое, что журналисты “Комсомольской правды” ссылались при этом на некую крестную дочь отца Евстафия, которая якобы и сообщила им эту ложь.

Со ссылками на прихожан храма, фамилии которых не называются, приводились и другие порочащие приход храма и его настоятеля ложные сведения.

Все эти грубейшие ляпы, которые, в общем-то, не украшают даже и желтые издания, можно было бы объяснить духом абсолютного презрения к православным русским людям, который царит в либерально-демократических СМИ, если бы эти грубейшие накладки не служили еще и маскировкой того, что направлявшим компанию лицам, действительно, нужно было замаскироваться.

В этой торопливо сляпанной из передергиваний газетной стряпне ощущалась опытная, твердая рука, направляющая заряд откровенной лжи точно в цель. И не об анализе причин, порождающих поразительный рост популярности Сталина в современном российском обществе, шла тут речь, а ставилась предельно прагматичная задача удаления из прихода настоятеля, почему-то мешающего “подготовке национальной элиты управленческих кадров”.

Мы видим, как обвинительные – “Молитва палачу”, “Приход Сталина под Петербург”, “Настоятель храма в Стрельне нарисовал и повесил “икону” с ликом кровавого тирана!” – заголовки почти мгновенно сменились шапками, напоминающими чтение приговора: “Сталиниста в рясе освободят от службы”, “Священник-сталинист сложил с себя полномочия настоятеля храма”, “Игумена, выставившего икону с изображением Сталина, вынудили написать прошение об отставке”, “Игумен, почитающий Сталина, подал прошение об отставке”...

“Руководство РПЦ осудило настоятеля храма в Стрельне игумена Евстафия (Жакова), который выставил в церкви икону с изображением Иосифа Сталина, – радостно сообщали газеты. – Клирик совершил дисциплинарное нарушение, поместив в храме неканонический образ. Он уже попросил “под давлением общественности” освободить его от должности”.

Столь не характерная для Русской Православной Церкви торопливость в принятии кадровых решений абсолютно необъяснима, если не учитывать, что решения эти – вот оно, высочайшее мастерство заказной журналистики! – были заложены, как фундамент, еще в первые публикации...

*Оле же тебе, ляше прокаженный,
и ты с твоею прожженной совестью
меня сопротивлением царю моему у-
рекаешь!*

Н. С. Лесков. “Соборяне”

“Разговоры о святости Сталина – кощунство над памятью мучеников, которые погибли во время сталинского режима, ведь при Сталине никто так не пострадал, как духовенство, которое было истреблено почти на сто процентов, – сразу, как только развернулась кампания либеральной травли, прокомментировал действия игумена Евстафия руководитель пресс-службы Московского патриархата священник Владимир Вигилянский. – Произошло дисциплинарное нарушение: клирик не имеет права вешать в храме неканоническую икону. С поступком священника будет разбираться правящий архиерей (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир)”.

В этом комментарии, легшем в основу большинства газетных публикаций, поражает не только торопливость отклика, но и внутренняя, стилистическая созвучность комментария построенным на передергиваниях и обмане статьям из желто-демократических изданий.

Действительно...

В принципе, можно согласиться, что разговоры о святости Сталина – кощунство над памятью мучеников...

Но кто, кроме “Московского комсомольца”, “Комсомольской правды” и насчитывающей “более 500 человек” партии “Коммунисты Петербурга и Лен-области”, говорил о святости Сталина?

Сам игумен Евстафий в опубликованном интервью подчеркнул, что “речь не идёт о его (Сталина) канонизации. Речь идёт именно о почитании великого вождя и руководителя, спасителя страны”...

Столь же лукаво выстроена фраза о дисциплинарном нарушении, которое якобы произошло в храме равноапостольной Ольги. Ну что возразишь против слов, что “клирик не имеет права вешать в храме неканоническую икону”?

Разумеется, если на иконе в неподобающем виде изображены Спаситель, Богородица или Святые, такую икону помещать в храме нельзя... И для того, чтобы не произошло накладок из-за недомыслия иконописца, и существует канон, указывающий, как подобает изображать Спасителя, Богородицу и Святых.

Но ведь совсем другое дело грешники, которых тоже изображают иногда на иконах.

Тут каноны уже не действуют, и всё определяется молитвенным размышлением, духовным тактом и талантом иконописца. Иногда, как, например, на иконе, изображающей преподобного Серафима Саровского и пришедшего к нему офицера-декабриста, получается хорошо, иногда, как, быть может, в случае с иконой Матроны Московской, не очень. Но нарушения-то канона нет ни там, ни здесь. Благочестивость таких икон выверяется временем, и они или уходят в небытие, или превращаются в общеупотребительные образы.

И совсем уже в духе желтой прессы, спешащей ввергнуть игумена Евстафия в коматозное состояние, выглядит заявление, дескать, с “поступком священника будет разбираться правящий архиерей”.

Хотя пресс-секретарь и немалая должность, но как-то всегда казалось, что правящий архиерей сам решает, с чем и как ему разбираться, и никаких секретарских указаний для этого ему не требуется...

Тем не менее этот по-газетному торопливый и неосмысленный комментарий был дан, и его, используя в качестве главной забойной силы, в более или менее расширенном варианте воспроизвели все участвовавшие в травле игумена Евстафия издания. Сам комментарий был составлен по законам этой прессы.

Тут, наверное, надобно вспомнить, откуда пришел священник Владимир Вигилянский на работу в пресс-центр Патриархии.

Священником он стал не очень давно.

До этого в семидесятые годы успешно окончил Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР, потом работал в коротичевском “Огоньке”, потом, подобно своему шефу, читал лекции в США, с 1992

по 1994 год работал в газете “Нью-Йорк таймс”, а в 1994 году стал главным редактором воскресного приложения газеты “Московские новости”.

Издания эти по праву могут почитаться прямыми родственниками газет, включившихся в травлю игумена Евстафия. Похоже, что навыки “огоньковской” школы господин Вигилянский использовал и против настоятеля храма равноапостольной Ольги, имевшего несчастье оказаться на территории Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского университета.

И конечно, когда зазвучал столь слаженный хор, уже не важно стало, что прихожане храма разослали по редакциям газет открытое письмо, в котором доводилось до сведения прессы, что “отец Евстафий принял воистину мудрое решение. Чтобы прекратить газетную истерию и не вводить в смущение не сведущих православных людей, а также, чтобы не подвергать икону возможности поругания ее со стороны либеральных экстремистов, он попросил жертвователей забрать их дар из нашего храма. 30 ноября 2008 года, после литургии, отслужив молебен святой Матроне Московской, мы простились с нашей иконой”.

Казалось бы, инцидент был исчерпан, но ведь не против иконы и поднялись вооруженные господином Вигилянским журналисты, и уже не икону им требовалось удалить из храма, а самого настоятеля...

6

Из консистории получен запрос: действительно ли я говорил импровизацией проповедь с указанием на живое лицо? Ах, сколь у нас везде, всего живого бояться! Что ж, я так и отвечал, что говорил именно вот как и вот что. Думаю, не повесят же меня за это и головы не снимут... Храбрость сия была охлаждена сначала тридцатишестидневным сидением на ухе без рыбы в ожидании объяснения, а потом приказанием все, что вперед пожелаю сказать, присылать предварительно цензору.

Н. С. Лесков. “Соборяне”

— Сейчас в России строят церкви, по телевидению регулярно выступают священнослужители, а наше общество всё глубже и глубже проваливается в бездну пороков, — спросили у игумена Евстафия. — Что это: парадокс?

— Это такой же парадокс, как и всякая борьба, — ответил игумен. — Борьба всегда — парадокс. Потому что сталкиваются противоположные силы. Причём то одна, то другая одолевает. То одна, то другая становится сильнее. Но та сила, за которой стоит Господь, — эта сила в конечном счёте самая победоносная. И то, что мы наблюдаем сейчас, не более чем временно.

Мне кажется важным вспомнить еще раз эти слова игумена, когда в оглушительном — на всю страну! — визге и гвалте, поднятых нашими “передовыми” СМИ, исчезли последние воспоминания о приличиях и подобии порядочности. Корреспондент “Комсомольской правды”, к примеру, вместо того чтобы принести извинения за опубликованные им лживые сведения, еще и обругал игумена Евстафия за то, что тот не впал от страха в коматозное состояние, как ему было предписано “Комсомольской правдой”, а продолжает как ни в чем не бывало служить в храме.

“Сила, за которой стоит Господь, — эта сила в конечном счёте самая победоносная. И то, что мы наблюдаем сейчас, не более чем временно”, — говорит игумен Евстафий.

Служба в храме продолжается, звучат православные молитвы на территории, отведённой для подготовки иностранными специалистами **национальной элиты управленческих кадров**, и это значит, что весь этот уже два десятилетия оглушающий нашу страну визг и гвалт — пока ещё по-прежнему ничто перед силой Господней...